

Сегодня одним из важнейших направлений государственной политики, как уже было отмечено, являются вопросы состояния здоровья и творческого долголетия трудоспособного населения, а это, в свою очередь, требует внедрения целой системы профилактических мер, одной из которых, на наш взгляд, является диспансеризация. Гражданин, устраиваясь на работу, должен быть осведомлен о правовых последствиях реализации им своих прав и обязанностей, быть уверенным в обеспечении ему здоровых и безопасных условий труда со стороны нанимателя. С этой целью трудовым законодательством закреплены определенные гарантии и компенсации наемным работникам, которые и обеспечивают осуществление ими предоставляемых трудовых прав. В то же время нормы трудового законодательства, касающиеся случаев предоставления гарантий и компенсаций, а также их видов и объема, достаточно динамичны, о чем свидетельствуют вступившие в силу последние изменения в ТК. Эти изменения прежде всего связаны с появлением в нем новой статьи в гл. 9 «Гарантии и компенсации», посвященной гарантиям работников при прохождении диспансеризации (ст. 103¹ ТК). Именно на этом аспекте остановимся более подробно.

По мнению специалистов, главная цель диспансеризации – раннее выявление хронических неинфекционных заболеваний, которые могут стать основной причиной инвалидности и преждевременной смерти человека. Следовательно, в данном случае речь идет уже не об охране здоровья в процессе труда, не об охране труда, а об охране здоровья в широком смысле. Диспансеризация служит мерой профилактики и контроля за уже имеющимися заболеваниями. Однако в отсутствие до недавнего времени ст. 103¹ в ТК многие работники не пользовались правом на прохождении профилактической диагностики ввиду разного рода обстоятельств и опасений, например из-за возможности потерять заработок за время прохождения обследования. Хотя белорусское законодательство ранее устанавливало гарантии при прохождении медицинских осмотров для работника (например, ст. 228 ТК), можно утверждать, что данное правовое средство вопреки своему назначению создавало предпосылки для нарушения трудовых прав. Это было связано с тем, что не все наниматели неукоснительно соблюдали закрепленную трудовым законодательством норму, мотивируя это отсутствием у них такой возможности, а сами работники либо не знали о ее существовании, либо боялись заявить о своих правах. Следует также обратить внимание и на то, что медицинский осмотр и диспансеризация – это разные понятия. Для их разграничения следует обратиться к части первой ст. 18² Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», в которой указано, что диспансеризация представляет собой комплекс медицинских услуг, оказываемых в целях проведения медицинской профилактики, определения групп диспансерного наблюдения, пропаганды здорового образа жизни и воспитания ответственности граждан за свое здоровье.

Именно ст. 103¹ ТК однозначно устанавливает право работника на освобождение от работы при прохождении им диспансеризации. Количество оплачиваемых дней для этой цели зависит от возраста работника. В связи с этим сотрудники в возрасте до 40 лет будут освобождаться от работы раз в три года на один день с сохранением среднего заработка. Работникам старше 40 лет, но не достигшим пенсионного возраста, предоставят один день с сохранением среднего заработка ежегодно. Работники-пенсионеры, а также работники, которым до пенсионного возраста осталось пять лет, имеют право освобождаться от работы на два дня один раз в год. Вместе с тем регламентируется поведение работника по отношению к нанимателю. Так, конкретный день прохождения обследований должен быть согласован по законодательству с нанимателем путем представления письменного заявления работником.

Рассмотрев положительные моменты, связанные с вступлением в юридическую силу указанных новшеств, на наш взгляд, сложно однозначно спрогнозировать научные подходы касательно данного вопроса, однако уже сегодня следует обратить внимание на некоторые предполагаемые проблемы.

Во-первых, не урегулирован сам механизм подтверждения факта прохождения работником обследования в день, который указывался в заявлении. По сути, эта новая гарантия основывается только на достижении соглашения между сторонами трудовых отношений и заявлении работника, и закон не требует обязательного предоставления работником документов из организации здравоохранения, содержащих сведения о результатах проведенной диспансеризации. Одновременно организация здравоохранения не обязана предоставлять информацию нанимателю о действительности прохождения обследования в этот день, поскольку на это требуется согласие самого работника. В результате сложившаяся ситуация может повлечь некоторое злоупотребление данным правом работниками.

Во-вторых, сложностью может стать, например, продление освобождения от работы для определения полной картины диспансеризации (для уточнения окончательного диагноза) для работников пенсионного (предпенсионного) возраста (вместо двух дней им может понадобиться три дня или более). Законодательством возможность такого продления освобождения от работы в каких-либо исключительных случаях не предусматривается, что, на наш взгляд, сужает объем предоставляемых гарантий нуждающимся работникам. Так, подобную гарантию можно закрепить в локальном правовом акте.

Резюмируя вышеизложенное, следует положительно оценить введенную в трудовое законодательство систему гарантий при прохождении работниками диспансеризации, но признать, что ст. 103¹ ТК нуждается в корректировке указанных спорных аспектов для предупреждения возникновения возможных противоречий при толковании норм на практике.

УДК 347.155

А.В. Войтюль

АКТУАЛЬНЫЕ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЕЛЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Динамика развития гражданского оборота и складывающихся общественных отношений требует последовательной трансформации и постоянного совершенствования гражданского законодательства. Многочисленные изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь (ГК) внесены Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 321-З «Об изменении

кодексов» (далее – Закон). Принятые изменения, основная часть которых вступает в силу в ноябре 2024 г., направлены на разрешение ряда накопившихся проблем гражданско-правового регулирования, в том числе обусловленных необходимостью противодействия преступности и защиты прав несовершеннолетних.

В частности, законодателем скорректированы перечни сделок, которые вправе самостоятельно без согласия своих законных представителей совершать малолетние в возрасте до 14 лет, а также несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Так, действующая редакция п. 2 ст. 25 «Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет» ГК закрепляет право несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, самостоятельно без согласия своих законных представителей вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться ими. Наличие указанной нормы позволяет несовершеннолетним беспрепятственно открывать банковские счета и получать банковские платежные карточки. В последние годы эту возможность активно используют преступники, которые размещают в сети Интернет предложения о заработке путем продажи реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых можно получить доступ к счетам. В последующем такие счета используются преступниками для вывода денежных средств, добытых преступным путем.

Незаконное распространение реквизитов платежных инструментов или аутентификационных данных, совершенное из корыстных побуждений, влечет уголовную ответственность в соответствии со ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Однако ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста, при этом возможность легкого заработка в сети Интернет в тайне от родителей довольно заманчива и подталкивает подростков к совершению данного преступления.

Согласно новой редакции п. 2 ст. 25 ГК несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно без согласия своих законных представителей выступать владельцем лишь текущего (расчетного) банковского счета физического лица с базовыми условиями обслуживания. Возможности такого счета ограничены основными, наиболее востребованными операциями: выпуск одной банковской платежной карточки, получение выплат социального характера, перевод денег только между базовым счетом и другими счетами его владельца и др. Принятая новация позволит защитить несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом средств платежа и платежных инструментов.

Еще одним нововведением в сфере правового регулирования дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет стало прямое указание на необходимость получения письменного согласия на совершение сделки только одного из законных представителей (родителей, усыновителей или попечителей). Предыдущая редакция ст. 25 ГК содержала формулировку «согласие законных представителей», что влекло правовую неопределенность по вопросу установления того, требуется ли для совершения сделки согласие обоих родителей или достаточно лишь одного.

Перечень сделок, которые вправе совершать малолетние в возрасте до 14 лет, сокращен и представлен в новой редакции ст. 25 ГК единым абзацем – «совершать мелкие бытовые сделки и сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации», что позволит устранить некоторое дублирование при определении видов соответствующих сделок.

В то же время ГК по-прежнему не содержит критериев мелкой бытовой сделки, при этом в правоприменительной практике регулярно возникают сложности в части определения, является ли та или иная сделка мелкой бытовой, могут ли малолетние самостоятельно вступать в соответствующие договорные отношения. Следует отметить, что в правовой доктрине в качестве критериев мелкой бытовой сделки рассматриваются: максимальный размер такой сделки, направленность на удовлетворение бытовых (повседневных) потребностей, исполнение сделки в момент ее совершения. Тем не менее в законодательстве перечисленные критерии не нашли своего отражения.

На наш взгляд, процесс совершенствования гражданского законодательства, в том числе применительно к сфере осуществления правоохранительной деятельности, обеспечения и защиты прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений, должен быть продолжен по следующим направлениям:

в новой редакции ст. 153 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» ГК сохранилось указание на то, что правила о защите деловой репутации гражданина применяются к защите деловой репутации юридического лица. Тем не менее отсутствуют законодательное определение и единый подход к оценке деловой репутации юридических лиц. В судебной практике для определения понятия деловой репутации юридического лица, как правило, используется подход, закрепленный частью второй п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации», – это оценка хозяйственной (экономической) деятельности юридического лица как участника хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота и гражданами. Однако столь узкое толкование термина «деловая репутация юридического лица» ограничивает право на защиту государственных органов, наделенных статусом юридического лица (например, территориальные органы внутренних дел), оценка деловой репутации которых не связана с их хозяйственной (экономической) деятельностью;

в итоговую редакцию Закона не вошла ст. 153¹ «Охрана изображения гражданина» ГК, которая присутствовала в первоначальном проекте. Между тем аналогичная статья в настоящее время содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации. Актуальность вопросов правовой охраны изображений граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, в современных условиях не вызывает сомнений, поэтому включение соответствующих положений в ГК полагаем в полной мере обоснованным и необходимым.